

Кукольный театр в Туркмении

Врач М. Рубин.

К вопросу о кукольном театре привела нас практика культурно-просветительной работы в аулах Туркмении.

Неоднократно приходилось убеждаться в малопригодности докладно-лекционной формы агитработы для аула. Дехканская аудитория вяло реагирует на устную популяризаторскую и агитационную работу обычного типа.

Тоска по ярким впечатлениям, жажда чего-то необычайного, что разорвало бы монотонность сурового быта дехханина, звучат в нередких вопросах после докладов: „Скоро ли будут танцы и музыка.“

Неразвитому и малоподготовленному слушателю трудно переработать в своем сознании мысли докладчика, превратить их из отвлеченных идей в четкие и конкретные образы, создающие стимул к действию. Ведь для этого нужна известная тренировка мозга или весьма искусственное упрощение изложения в сочетании с злободневностью темы и глубоким пониманием дехканской аудитории вообще.

Строить массовую политпросветработу в расчете только на талантливых агитаторов-психологов нельзя; необходимо найти другие пути подхода к дехканской аудитории.

Как показывает практика культпросветработы, могучим средством оживления ее является облачение ее в художественные формы. Такая „театрализованная“ пропаганда оказывается ценнейшим оружием в арсенале культурного работника. Она быстро мобилизует внимание аудитории, концентрирует ее мысли на определенной теме и яркими художественными образами создает готовые представления, порождающие волю к действию, порыв, мысль.

Наиболее совершенными формами (с точки зрения массовости охвата и ускорения эффекта) массовой художественной пропаганды в наше время, без сомнения, являются кино и театр.

Имея громадное будущее и в условиях Туркмении, кино пока играет весьма скромную роль в деле культурного обслуживания аула. Это зависит не от свойств кино, а от нашей бедности. Мы не имеем достаточной сети кино-передвижек в ауле, нет у нас и пригодной для него культур-фильмы. Создание ее—дело трудное и дорогое стоящее. В настоящее время мы не в состоянии наладить достаточно широкого кино-обслуживания аула. Между тем время не терпит. Успех всего нашего строительства в значительной степени зависит от масштаба и глубины культурной работы в ауле.

Театра своего туркмены не имели и не имеют. История туркменского народа в этом отношении весьма своеобразна.

Создание туркменского театра—также неотложная задача сегодняшнего дня.

Для вновь создающегося социального слоя—туркменской интеллигенции и пролетариата, актива, оседающего в городе, задача эта может разрешиться созданием театра по образцу европейских академических театров. Туркменская госудрамстудия воспитывается именно на технике

и методике европейского театра, упомянутого типа. Надо полагать, что недалеко время, когда студия эта вырастет в Туркменский Гостеатр, который сможет обслуживать городских туркмен.

Но это ни в малейшей степени не разрешает вопроса о театре для туркменского аула и не только потому, что городской театр, являющийся продуктом гораздо более высокой и резко отличной культуры, мог бы оказаться непонятным для дехканина. Нет, главное—потому, что продвижение театра академического европейского типа в аул является пока ненужной утопией в силу ряда причин материального и технического характера.

Необходимо сравнительно сложное оборудование (декорации, костюмы, парики и пр.), приспособленные помещения (со сценой), многочисленный и квалифицированный актерский персонал, прошедший предварительно большую школу. Все это тормозит создание единственного пока туркменского театра в гор. Ашхабаде и создает практически пока непреодолимые препятствия для продвижения его в аул.

Следовательно, нужно признать театр упомянутого типа фактически не существующим, не существующим для аула в настоящее время и в ближайшие годы.

Обращаясь к истории театра, мы находим колоссальный и весьма поучительный для нас опыт существования и работы разновидности театра в условиях деревни Востока и Запада, при том проверенный в течение сотен и даже тысяч лет. Мы имеем в виду кукольный театр.

Кукольный театр—примитив, один из первых этапов развития театра вообще. Он „несет свое происхождение от древнейших культур Востока“*)

Зародившись в столь далекие от нас времена, кукольный театр распространился почти по всему известному тогда миру. В Индии, Китае, Турции, Персии и других странах Востока К. Т. (мы условно будем так обозначать кукольный театр), по свидетельству историков театра (искусства) с древнейших времен до недавнего прошлого был широко распространен. В Узбекистане К. Т. также существовал, пользуясь популярностью среди узбеков.

Туркмения своего кукольного театра не имела—по крайней мере следов существования его мы не могли найти. Лишь некоторые части Туркмении посещались кукольниками—персами и турками. Так, например, нам рассказывали, что Красноводск и аулы на остр. Челекене изредка посещались персами-кукольниками. Постановки их (марионеточные) пользовались громадным успехом. Наряду с интересом к игре марионеток, в то же время создалось полупрезрительное отношение к актерам-кукольникам за их попрошайничество. (Кстати сказать, в настоящее время нам пришлось столкнуться с отголосками этого: при подборе актеров для работы с куклами, многие ребята наотрез отказались от этой работы, в беседах с нашим переводчиком мотивируя свой отказ боязнью насмешек и презрения со стороны сородичей).

С Востока кукольный театр проник в Европу, древнюю Грецию, а через нее и в прочие страны.

Через столетия сумел пройти К. Т., еще недавно составляя любимое развлечение народных масс Востока и Запада.

На чем основана такая живучесть К. Т. и популярность его в массах?

„Кукольный театр исключительно народен“**).

1) а) цитаты отмеченные одной звездочкой, заимствованы из статьи И. Бартрама—„Кукольный театр“.

б) цитаты, отмеченные 2 звездочками (**), заимствованы из статьи Ореста-Енохвицера „История кукольного театра в Азии и Европе“.

„Кукольный театр более, чем какой либо другой вид театра,—дитя народа. Он был и есть действительно народный театр и народ являлся и автором, и зрителем, и исполнителем пьес“.

„Кукольный театр вырос на основе удовлетворения вкусов и потребностей народных масс, являясь, таким образом, не наносным продуктом, а одной из форм народного творчества и при том свойственной почти всем без исключения народам“.

„Кукольные пьесы в Турции, также как и в Европе, описывают повседневную жизнь масс и являются отражением их политических настроений“ **.

Кукольный театр выполнял ярко-выраженную общественно-воспитательную роль. „Роль выразителя общественности и массовой мысли не раз делала кукольный театр непосредственным участником в социальной борьбе“ *.

Вот как характеризуют его общественное значениеистики театра.

„Театр К. (китайский К. Т.) был насыщен бытом и политикой: во время героической борьбы Китая за свое освобождение, во время боксеровского восстания, по имеющимся у нас сведениям, К. Т. являлся мощным агитационным средством в борьбе против иностранных империалистов...“

...Кукольный театр являлся единственной трибуной для выражения общественного мнения, он боролся за политическое раскрепощение, боролся с восточной тиранией**.

Вот основные свойства кукольного театра, обеспечивающие ему живучесть и популярность. Недаром ведь кукольников неоднократно казнили вместе с их деревянными артистами за вольность и дерзость мысли и смелое обличение пороков правителей (чему история кукольного театра показывает множество примеров).

Выполняя крупную общественную роль, как вид революционной пропаганды, он в то же время дал громадный толчок народному творчеству.

„Восточный кукольный театр имел огромное, неоцененное до сего времени, влияние на восточное изобразительное искусство и литературу“**.

„Сюжеты пьес и типы, демонстрируемые в таком (кукольном М. Р.) театре обычно формировались из самых любимых и популярных песен, преданий и легенд. В кукольном бродячем ярмарочном театре постепенно вырабатывались Фауст и Дон Жуан—мировые типы.“

Стимулируя народное творчество, кукольный театр одновременно был прекрасным средством популяризации лучших произведений литературы.

Еще Аристофан, автор „Лизистраты“, широко пользовался кукольным театром для демонстрации лучших из своих произведений.

В наше время все эти свойства кукольного театра высоко оценены во многих местах, например, в Германии, Чехословакии и др. странах он широко применяется для педагогической работы с детьми в школе, составляя принадлежность большинства школ.

У нас в ССР в Москве и Ленинграде также существуют детские театры, где кукольные герои пользуются громадным успехом среди детворы. Наряду с этим, многочисленные уже попытки создания кукольного агит-театра для взрослых всюду имели большой успех.

На Всероссийской сельско-хозяйственной выставке в Москве кукольный театр с успехом был использован для агро-пропаганды. В аулах Крыма спектакли кукольного театра имели громадный успех, то же на Кавказе, в РСФСР. Наконец, в самой Москве возрожденный „петрушка“ с успехом выступает в рабочих клубах и принимает активное участие в

праздновании юбилея 10-летия Октябрьской революции. Количество примеров можно было бы продолжить.

Все это лишь укрепило наше убеждение в целесообразности создания туркменского кукольного театра. Первоначально же мысль эта возникла у нас под влиянием рассказа местного жителя и сотрудника нашего при поездке в аулы Керкинского округа в 26 году тов. А. Юргачева. Он рассказал мне об интересной попытке одной ашхабадской комсомольской ячейки, организовавшей с его помощью агит-выступление кукольного театра в подшефном ауле Изгант. Наскоро приготовленные куклы из фарфоровых продажных головок и др. материалов имели большой и шумный успех зрителей, благодаривших шефов за спектакль.

Заинтересовавшись этим рассказом, мы ознакомились с литературой по вопросу о кукольном театре. Краткую сводку важнейших для нас данных о нем мы привели.

Учитывая прочную и давнюю популярность кукольного театра среди соседних наций Персии, Турции, Узбекистана, мы пришли к заключению о возможности и плодотворности скорейшего создания такого театра, восполняя этим значительный пробел в культурной жизни аула.

Итак, предстояло заложить начало туркменского кукольного театра. По нашему замыслу, актерами его должны были явиться основные типы аульного населения и городского, с ним соприкасающегося, так как театр должен быть ярко бытовым.

В список вошли 20 персонажей: 1) бай, 2) мулла, 3) табиб, 4) басмач, 5) дехканин средняк, 6) пастух, 7) джарчи (глашатай), 8) старуха туркменка, 9) молодая женщина туркменка, 10) предаулсовета, 11) аульный милиционер, 12) пионер аульный, 13) комсомолец туркмен, 14) доктор, 15, 16 и 17) трое больных дехкан, 18) терьякеш, 19) шайтан (чорт), 20) главный герой (петрушка).

Художником Центрального Дома Санпроса т. Шаповым были изготовлены, по данным нами характеристикам и указаниям, а также на основе доступного нам фото-материала, акварельные эскизы кукол всех перечисленных типов. Эскизы были выполнены в реалистических тонах, хотя и с некоторой схематизацией и подчеркнутостью. Поступая так, мы исходили из убеждения в необходимости фиксации и закрепления потребных нам типов с возможным приближением к этнографической правде. При изготовлении кукол можно было бы допустить большую утрировку—шаржировку без опаски фальши и резкого этнографического неправдоподобия.

Акварельные эскизы были продемонстрированы нами на собрании туркмен-учащихся совпартшколы после предварительного сообщения о цели и задачах организуемого театра. В результате обсуждения, эскизы были одобрены с добавлением лишь некоторых деталей (костюма, утвари и т. д.).

Исправленные после этого эскизы, были переданы, как материал, художнику—скульптору В. Никонову, взявшемуся, по нашей просьбе, за изготовление первого комплекта кукол. При выполнении этой работы тов. Никоновым была также широко использована живая натура на базарах, в Доме Дехканана и т. д.

Головки, ручки, ножки кукол резались из дерева липы, окрашивались и отделявались. Одежда готовилась из обычных для этого материалов. Размер каждой куклы равен приблизительно $\frac{1}{2}$ аршина.

Куклы были сделаны с большей шаржировкой нежели эскизы, но и тут утрировка производилась строго в рамках этнографической правды. В ущерб успеху будущего театра, мы сознательно создавали первый комп-

лект кукол неигрового типа, стараясь до известной степени восполнить отсутствие в Туркмении экспонатов, изображающих типы аульного населения.

Работа тов. Никоновым была выполнена настолько удачно, что вызвала одобрительные отзывы ряда лиц, весьма требовательных в отношении этнографической и художественной правды (академик Карелин, работники Госмузея и т. д.).

Наверху—кукольный театр в туркменском ауле, внизу слева—кукла, изображающая „арчина“—старшину (в революционное время), внизу справа художник Никонов с куклами—„пионер“ и „терьякеш“.

Появившаяся таким путем на свет труппа туркменского кукольного театра, не имела и не имеет пока своего героя (соответствующего Петрушке, Кара-Гезу и т. д. (у других народов).

Отличаясь везде смелостью у дерзостью, враждой к богатым и властью имущим, едким остроумием при уродливой внешности, герой кукольного театра одновременно у каждого народа имеет ярко выраженные национальные черты. Мы считали невозможным и нецелесообразным механическое заимствование героя туркменского кукольного театра, хотя бы у соседних Персии, Узбекистана или Турции. Временно мы отказа-

лись от героя Петрушки, впредь до выявления подходящего для того типа из любимых произведений народного творчества и национальных поэтов, шуток, сказок, легенд, песен.

Одно время нам казался подходящим на амплу героя, иронизирующий над всем Кемине—герой многих рассказов и веселых анекдотов. Пока же, до сбора достаточного материала о Кемине, мы решили ограничиться только наименованием нашего театра „театром Кеминэ“.

Точно также из труппы исключен был традиционный герой—шайтан (чорт) во избежание превратного истолкования его появления зрителем-дехканином и для освобождения нарождающегося театра от всякой чертовщины и мистического хлама. Впрочем, при умелом разоблачении шайтана героем пьесы и выявления его сути, как создания байства и духовенства для затемнения и застраивания трудящихся масс, кукла-шайтан могла бы с успехом фигурировать, будучи совершенно обезвреженной.

Окончание изготовления кукол совпало с отъездом нашим, с передвижным врачебно-обследовательским отрядом, на Атрек. Там кукольному театру предстояло держать первый экзамен.

Нашими актерами—кукольниками (лицами, работающими с куклами) были сотрудники отряда т. т. Тач-Мурадов—переводчик и А. Юртаев (лепком-переводчик).

Оба „актера“, неожиданно оказавшиеся в этой роли, не имели решительно никакой подготовки, даже хотя бы в виде репетиции: занятые в работе по формированию отряда перед его отъездом, они не располагали необходимым свободным временем для репетиций.

В итоге, выезжая на Атрек, мы обладали только комплектом кукол, складными ширмами, обтягиваемыми ситцем и добрым желанием провести намеченную работу.

Сами куклы были мало приспособлены для игры (тяжелы, вместо отверстий для пальцев в голове и руках были выступающие стержни и т. д.), „пищика“, дающего возможность говорить своеобразным пронзительным фальцетом, также не было—его не оказалось ни в Москве, ни в Ташкенте, ни в Баку, а сами изготовить его мы не сумели.

Наконец, что самое важное, мы не имели пьес-сценариев. Попытки наши привлечь к составлению их туркменских писателей и литераторов не дали результатов, а доклад наш о кукольном театре, поставленный по нашей просьбе на заседании Т. Лит. О-ва, был неожиданно почему-то с повестки снят.

В течение первого месяца работы отряда (на островах Каспия и в аулах Гассан-Кулийского района) мы, по ряду причин технического характера, не смогли дать ни одной постановки.

Первый спектакль был поставлен 19 мая в ауле Кара-Дегиш (Кизил-Атрекского района)

Актеры сидели в палатке, выставя кукол в окошко палатки. Ширмы использованы не были:

Надо признать, что как актеры-кукольники, так и мы (выступая в роли режиссера-суфлера) не без волнения приступали к первой демонстрации.

Дехкане плотным полукукольном расселись перед палаткой на корточках, ожидая невиданного зрелища.

Появившиеся деревянные артисты—куклы приковали к себе взоры зрителей.

Гуклы кукольного театра. Вверху слева—„пастух“, справа—„джарчи“,
внизу слева—„кадтаман“, справа—„мулла“.

Нелепо двигаясь и размахивая руками, не попадая устному диалогу (вследствие неопытности актеров-кукольников), куклы инсценировали короткие бытовые эпизоды. Наскоро составленный перед спектаклем сценарий—канва, был посвящен вопросам здравоохранения в ауле, освещению задач и сути работы нашего отряда и особенно подробно—разъяснению значения обследовательской поквартирной работы, к которой население относилось недоверчиво и подозрительно.

Получасовой спектакль произвел большое впечатление, несмотря на убожество техники и отсутствие разработанного сценария. Зрители заглядывали в палатку, а многие расспрашивали нас, живые ли это существа и как они работают.

Первая проба оказалась удачной.

Всего в аулах по пути следования отряда, нами было поставлено 7 спектаклей с все возрастающим успехом. Наши кукольники вводили все новые технические приемы, подмеченные в начале игры. Восстановлен был традиционный прием—кукольные побоища, в виду шумного успеха, ими вызываемого. Куклы вели непринужденные беседы с публикой, задавая вопросы зрителям и подавая реплики на их замечания. Сценарий пополнился бытовыми сценками, нередко прямого отношения к сюжету сценария не имевшими. Куклы пели популярные песни, разыгрывали смешные народные анекдоты о Кеминэ и т. д. Преследуя цель—выявить полезность кукольного театра, как яркой формы пропаганды мобилизующей внимание публики, мы не придавали значения неувязке между формой и содержанием, так как достигавшийся успех тем с большим основанием можно было приписать прежде всего форме работы, в чем мы и хотели убедиться.

Успех театра постепенно возрастал. Спокойное внимательное наблюдение смешанное с изумлением, бывшее при первых спектаклях, сменилось бурным оживлением при последних постановках. Взрывы веселого смеха раздавались поминутно. Публика охотно вступала в беседы с куклами, видя в этом неожиданную забаву. Одобрения и шутливые реплики из публики раздавались все чаще, а в антрактах зрители оживленно обсуждали отдельные моменты и эпизоды игры, слова и поступки кукольников.

Взрослые и дети равно радовались зрелищу. Даже важные седобородые ахсакалы присаживались в кружок и следили за игрой, пряча улыбки в бородах. Сам арчин—предаулсовета не выдерживал и присаживался на корточках в кругу зрителей.

В отдалении, на расстоянии 30—50 шагов, толпились женщины с грудными детьми и девочки—подростки. Тяжкий, косный, суровый быт держал их на почтительном расстоянии от толпы братьев, отцов, мужей и сыновей.

Последние спектакли привлекли толпы жителей ближайших туркменских аулов, расположенных на персидской территории.

Итак, первый экзамен туркменский кукольный театр выдержал с большим успехом. Несмотря на исключительную неподготовленность „кукольников“, отсутствие заранее разработанного сценария, необходимых технических аксессуаров (например—пищика) и т. д., наши постановки убедили нас в правильности вышеприведенной характеристики кукольного театра, как яркой, доступной и гибкой в отражении местных условий, формы театрализованной массовой пропаганды.

С глубоким убеждением мы заявляем: „туркменский кукольный театр—форма театра, практически могущая разрешить вопрос уже в ближайшее время о театре для аула, об агитационном театре.

* * *

Конечно, существующий туркменский кукольный театр нуждается в дальнейшем усовершенствовании и улучшении. В частности, должен быть разрешен вопрос о музыкальной иллюстрации—традиционном элементе таких театров у других народов и обязательной части современного кино. В этом отношении необходима дальнейшая большая работа. Но этот вопрос пока мы умышленно выделяем и не затрагиваем пока.

Мы считаем, что для культурного воздействия на дехкан мы не имеем более яркой и в то же время реально осуществимой формы агитпропработы, чем кукольный театр. Перечисленные его достоинства и свойства обеспечивают ему громадный успех в деле культурного воспитания масс. При этом он применим для общей и ведомственной агитработы любого вида, даже узко специальной (наш опыт санпропаганды), а также для популяризации в ауле лучших произведений национальной и иностранной литературы.

Нам кажется, что развитие кукольного театра одновременно даст стимул для оживления литературной работы в Туркменистане, так как откроет возможность, несмотря на почти всеобщую безграмотность населения, сделать создаваемые литературные произведения достоянием широких масс туркменского дехканства.

Конечно, значение кукольного театра может быть гораздо более широким. Развитие его, как определенной формы искусства, может дать совершенно недооцениваемые сейчас результаты в направлении создания национального туркменского театра. Но, подойдя к вопросу о кукольном театре прежде всего, как культпросветработы, мы сознательно опускаем дальнейшие рассуждения на эту тему.

Заканчиваем статью конкретными предложениями:

1) Неотложно важной задачей культурного строительства в ауле является создание туркменского театра для аула.

2) Исходя из соображений исторического, технического характера и других, К. Т. следует признать формой театра, наиболее пригодной для обслуживания туркменского аула и притом практически осуществимой уже в настоящее время.

3) Организацией ТКТ должен заняться Наркомпрос (Главполитпросвет). Предварительно необходимо повторить опыт Центрального Дома Санитарного Просвещения НКЗдрага в более широких размерах.

В случае положительных результатов повторной проверки, данной в настоящей статье оценки ТКТ, необходимо приступить к созданию сети ТКТ, хотя бы по одному на округ, затем, создавая постоянные КТ и в более крупных районах.

4) Для подготовки актеров кукольников политпросветского типа НКПросом должна быть организована за счет госбюджета специальная студия, наряду с существующей госдрамстудией.

5) Необходимо приступить к созданию репертуара для ТКТ—художественного и агитационно-просветительного. Для этого необходимо использовать лучшие образцы народного творчества, национальной и иностранной литературы и наряду с этим озаботиться созданием оригинальных произведений указанного характера специально для КТ. К составлению репертуара должны быть привлечены лучшие силы туркменских литераторов.

6) Необходимо поставить вопрос о ТКТ в центре общественного внимания, а всю работу по его организации проводить с особой тщательностью и продуманностью. Если ТКТ сумеет развлечь и заинтересовать аульного жителя в той же степени, как и туркменский гостеатр

обычного типа, то он этим самым уже окажется во сто крат более пригодным, нежели театр обычного типа—в силу своей простоты, портативности, дешевизны, практической осуществимости вообще.

Мы должны отдать себе отчет в том, что иного театра, кроме ТКТ в ближайшие годы туркменскому аулу дать не можем.

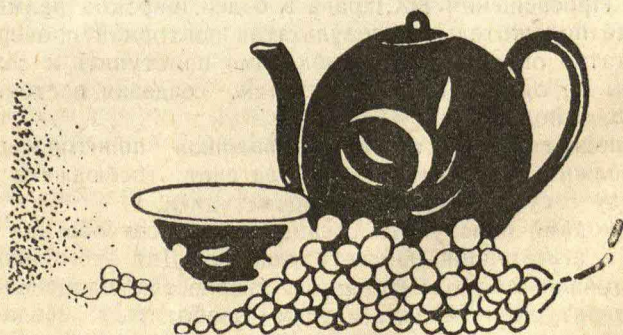
В последнее время ТКТ использовался, по инициативе тов. Паскуцкого в кампаниях: хлопковой, крестьянского займа и юбилея Кр. армии. Эта работа должна явиться проверочным опытом (см. п. 3 предложений).

К сожалению этот вопрос в конкретной форме был поднят поздно— всего лишь за две недели до начала кампании. Естественно, не приходится ожидать четкой належаще подготовленной работы театра. И в этот раз мы будем иметь кустарную работу неподготовленных кукольников. Все же и теперь мы снова ждем полного подтверждения наших соображений, изложенных в статье.

Кукольники спешно готовят при Ц.Д.С.П. из состава учащихся туркменской Госдрамстудии, выделенных для этого НКПросом.

Всего организуются по заданию НКПроса 5 групп Т.К.Т. Комплекты кукол для них—копии основного комплекта Ц.Д.С.П.—изготавливаются в мастерской ЦДСП. У новых кукол головки и ручки из папье-маше с отверстиями для пальцев, что значительно облегчит работу с ними. Стоимость каждого комплекта равна 150 рублям. В число 20 кукол вошли новые персонажи: красноармейцы, туркмен из нацчасти и русский, а также агроном. Сценарии разрабатываются по тезисам АПО ЦК КП(б)Т. В каждую из пяти групп войдут два актера—кукольника, которые, в составе „агит-арб“, будут участвовать в проведении кампаний, разъезжая по аулам. Таким образом мы подошли вплотную к реализации наших предложений.

Литература: 1) „Театр петрушки“—сборник. 2) „Кукольный театр“—И. Бартрам (сборн). 3) „От игрушки к кукольному театру“—И. Бартрам.

ТЕАТР КОЧЕВНИКОВ

СВАДЕБНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ У ДЖЕМШИДОВ.

Мы ночевали у Чимин-биды.

Поздним вечером, когда одинокое сияние луны стало невыразимым и крепкая усталость свалила на кошмы всю экспедицию, к становищу нашего каравана подъехал джемшид.

Дежурным до двенадцати ночи был техник Нагорин. Он сдернул с плеча винтовку и зычным голосом окликнул подехавшего. Джемшид спрыгнул с коня, порывшись за пазухой и вынул записку. Пальцы джемшида были бронзовые и длинные, и с головы свисала распустившаяся чалма. Ширина его белых штанов обличала в нем человека среднего достатка: необъятные штаны джемшида были шиты не более как из десяти метров мадетама.

Я взял измятую записку и зажег «летучую мышь». Учитель из ближайшего аула небрежным почерком писал мне и геологу Безглазому: «Если хотите весело провести ночь, приезжайте. Вас проводят».

Я вытащил из под гуттаперчевой подушки уздечку и разбудил Безглазого.

Тропка блудила по сонным зарослям колючки и колдобинам заброшенных арыков. Лошади ступали внимательно и осторожно. Впереди на крупном жеребце ехал джемшид; в вытянутой руке его колыхался и замирал фонарь.

Беспокойные полосы фонаря освещали черные кустарники и бледную землю. Трава от полнолуния казалась голубой. Вдали тяжелым пламенем полыхали свадебные костры. Загадочная сила зарева влекла к себе. Мы ехали в безмолвном ожидании.

Зарево надвинулось. Багровый круг был обят тревожной тишиной. Как распущенные штандарты колыхались огненные языки. Летучий дым упрямо подымался к недостижимой луне.

— Сильное зрелище! — сказал Безглазов и ударил камчой коня.

Пугливо и неуверенно залаяли псы. Дальний гул донесся от костров. Пламя пучилось и багровело как лихайд.

Неподвижные силуэты коней вырисовывались на оранжевом фоне. Из озаренного пространства выступили мрачные контуры черных кибиток. Варывы радостного рева охватили нас.

Перед глазами возникла стена белых спин и чалм. На арканах закрутились жеребцы, покрытые войлочными попонками. Мы спрыгнули с седел и отдали поводья проводнику. Чернобородые старики ввели нас в круг и усадили на ковры.

— Сегодня особенная свадьба, — с неизменной самоуверенной усмешкой сказал аульный учитель.

— Видный аксакал женит своего брата. Поэтому я пригласил вас. Вы пропустили только первое представление. Сейчас начнется второе. Пейте пока чай.

Очерк В. Козина написан по личным наблюдениям автора летом 1930 г. Он интересен не только в литературном отношении, но, главным образом, как этнографический материал, рассказывающий о зачатках театра у джемшидов.

Секция искусств Туркменкульта, прорабатывающая проблему театра для кочевников, несомненно, использует наблюдения тов. Козина, сумевшего в художественной форме абсолютно точно зафиксировать театральные игры у джемшидов.

Пожилый джемшид с бородой смоляного цвета поставил перед нами пузатые чайники и пиалы. Зеленый чай был высокого сорта — номер сто двадцатый. Я торопливо выпил пиалу и осмотрелся.

Вокруг костров живым амфитеатром сидела и стояла белая толпа. Противоположная сторона рябила сплошным промадным домино. Позы находившихся вблизи джемшидов были напряжены; рты раскрыты; бронзовые лбы сверкали жиропотом. Простодушный восторг ожидания был в глазах зрителей.

Вдруг отрывисто, с ритмическим и возбуждающим однообразием забили барабаны.

К ним пронзительными голосами присоединялись тростниковые дудки. Из белых рядов на голый песчаный круг, озаренный отсветами костров, выскочило странное существо: оно имело шкуру барса и исполинских размеров птичью пасть. Чудовище запрыгало по площадке, молча разевая промадный пеликаный клюв.

Навстречу ему из взволнованных рядов вытолкнули полуголого и криволикоющегося старика: в отчаянии и ужасе старик замахал руками; неправдоподобное существо прыгнуло на него и повалило на песок. Толпа вздрогнула — и радостный вопль поднялся над дымными кострами.

Чудовище, сладострастно изгибаясь, катасто по песку задохшегося старика; нищий старик судорожно дергал ногами, покорный злой и властной силе. После нескольких внушительных толчков он потерял прикинутую бороду и, подобрвав остатки лохмотьев, бежал с круга под насмешливые крики толпы.

Тогда страшлище сорвало с головы исполинский клюв, искусно сделанный из дерева, и в виде стройного мальчишки исчезло за костром. Зооморфическая пантомима, изображенная на свадебном пиру афганским племенем джемшидов, была окончена. Сборный ор-

кестр кочевников, усиленный двумя дутарами, разместился рядом с нами. Мальчик — подросток, одетый в женское зеленое платье, встал перед кругом почетных гостей и, прижав безвольно опущенные руки к бедрам, начал приотпыхивать правой ногой в такт навязчивому звучанию оркестра. Когда звуки, нарастая, слились в ритмичный и властный мотив, из толпы спремительно выскочил молодой джемшид.

Прямые пряди черных волос свисали с непокрытой головы джемшида; гибкое и широкое плечее тело его было одето в белую просторную рубашу и бязевые штаны, свободно вздувавшиеся при каждом движении; с мускулистой шеи свешивался на широком ремне громадный барабан. Джемшид уперся пятками в песок и выкинул головой сдержанно и смело. Потом палкою ударил в шкуру барабана. Раздался глухой и дикий звук. Джемшид вздернул плечами и метнулся в сторону, словно парус, наполненный неожиданным дыханьем бури. Движения его были плавны и могучи. Суровое лицо окаменело. Незаметным взмахом руки он отрывисто бил в барабан.

Удары становились все громче и яростнее. Овощенный мятежными полосами бушующего костра, джемшид вертелся в вдохновенной пляске, которую нельзя было назвать иначе, как танец барабана. Движения танцора становились все спремительнее и возбужденнее. Голова его, в горделивом напряжении откинута назад, казалась вылитой из меди. Длинные волосы металась как гривы скакунов. Под неутомимыми ногами звенел песок. Танцор стянул ремень барабана на живот и в неистовом водовождении метался всем телом из стороны в сторону. Потом он перебрал барабанный ремень на шею и, слившись с барабаном в белый крутящийся поток, под бесильные звуки дутар и жалобные вздохи дудок завертелся на одном месте в бесконечном порыве.

Костер змеинными языками лизал небо. Толпа молчала.

— Две минуты! — сказал Безглазов, взглянув на руку.

В дремучем упоении джемшид продолжал вертеться.

— Три минуты, — растерянно проговорил геолог. Сидящие вокруг нас родственники аскалы, аульные вожди и седобородые старцы удовлетворенно кивнули головами.

— Это невероятно, — прошептал аульный учитель. — Интересно было бы пощупать у него пульс: ведь так и сердце может лопнуть.

Джемшид, подхваченный непреодолимой силой тшеславия, кружилась перед глазами как гигантский волчок. Забытый костер медленно угасал, отбрасывая на безумного танцора багровое сияние.

— Пять минут! — возмущенным голосом вскричал геолог и нелепо взмахнул рукой. — У меня у самого начинает рябить в глазах... Послушайте, друзья, ведь это может кончиться плачевно.

— В данном случае я бессилен, — молвил смущенный учитель.

— Шесть минут, — сказал Безглазов и отвернулся.

Джемшид внезапно ударил в барабан. Звук был отрывист и прозен.

— Сейчас он упадет... По правде говоря, это жестокий танец.

Дутары и дудки замолчали.

В гибельном отчаянии ослепительно и мрачно вспыхнул костер. Джемшид, как индийская чайка, взбросил белые крылья рук — и остановился. Тихий восторженный гул прошестел по рядам зрителей. Суровые старики одобритительно кивали головами. Вздволенные мальчишки карабкались на плечи друг друга. Танцор покачнувшись, перебрасывая ремень барабана на спину; безмолвный — и недоступный в своей дикой гордости, он плывущего походкой пошел к радостно всколыхнувшимся рядам и сел на корточках на землю.

— Быче сердце! — В голосе взволнованного учителя были восхищение и зависть.

В костер подбросили узловатых сучьев кандума. Робкий огонь окватил их, осилил и выбросил в небо пригоршню веселых искр. Темные лица джемшидов озарились желтым светом; лица повернулись в одну сторону: на круг с барабанным дробным боем и колокольным звоном верблюжьего бидла вступила пестрая процессия.

Впереди процессии шел древний старик; белая борода его, разрубленная пополам, величественно низвергалась на живот; сухое и крупное лицо казалось высеченным из дуба; походка его была легка и крылата. За стариком два могучих полубогажанных джемшида несли на плечах бревно, покрытое ковром и оснащенное спереди верблюжьим боталом; на бревне сидел нарумяненный человек с чинным и глупым лицом; на нем был зеленый, в алых разводах халат и ослепительная чалма; толстый и яркий, он походил на навозную муху. Он изображал собою афганского купца, во главе каравана отправляющегося в Персию. Сзади него размеренной походкой несли в руках винтовки, и в хвосте тянулась вереница важно выступающих стариков.

Под яростный стон тростниковых дудок и тяжелый гул барабанов караван несколько раз прошел по кругу. Навстречу ему из толпы вышел плечистый джемшид в английском френче защитного цвета, перекрещенном на груди папругашами; он поднял руку и с властительной небрежностью крикнул: — Дур! — Караван остановился.

Ростые джемшиды с бревном на плечах, искусно подражая спремительной плавности движений ложащегося верблюда, опустились на песок. Афганский купец слез с бревна, торопливо подобрал халат и отошел в сторону, сохраняя надменное выражение лица. Между ним и воинственным джемшидом, своим английским френчем представляющим купеческие и правительственные круги Персии, начался вдохновенный спор; он был усыпан крупной солью беззащитных остроум, рожденных в просторах пустыни, и сопровождался жестами, в которых смехотворная сила язвительных намеков соперничала с беспощадной выразитель-

ностью обличительных эпитетов, прилагаемых к противнику.

В приличительной передаче своеобразный диалог на песчаной сцене имел такое содержание:

— Кто ты, похожий на обожравшуюся фалангу? — промким и презрительным голосом спросил плечистый джемшид.

— Я — афганский купец. А кто ты, осмелившийся остановить мой караван?

— Я — великий и славный перс...

— Судя по твоему лицу, это так. Но шкура на тебя напялена английская. Голос твой напоминает мне крик катера. Не происходишь ли ты от персидской кобылы, слученной с английским ослом?

Гул восторга прокатился по сомкнутым рядам зрителей. Джемшиды смеялись так, как могут смеяться только кочевники, подвластные вечному молчанию пустыни: высокими голосами звенели мальчишки; порой они боязливо оглядывались на взрослых — и вновь раскатывались задорным детским смехом; взрослые, с потупленным черным бородок мужчины, бесильно покачиваясь, извергали из широких своих грудей рокотливые звуки бурного веселья; худые и неподвижные старики прятали откровенный смех в седые волны длинных бород и, выпирая концами чалм старческие слезы, устало ведались.

— Твои слова, паршивый купец, — в гневной обиде закричал воинственный джемшид: — как лай бродячего пса, и сам ты больше похож на раскрашенную собаку, чем на афганца. Какие драгоценные товары мог ты найти в своей жалкой стране, чтобы решиться на червивых верблюдах везти их в прекрасную Персию?

— Моим товарам нет цены! Если ты продашь англичанам сады отцов, молочные стада мазендаранских буivolиц и даже жен своих вместе с белыми ослами из Хаматана, идишь которых восхищает народ на пятничных базарах — то и тогда ты только ослабеешь от неудержимой зависти. Но товаров моего каравана все равно тебе не видать, как не бывать бану в мечети Имам-Риза...

— А каравану твоему, собачий сын и великий поганец, вовсе в Персии не быть!

Плотный джемшид сделал угрожающее движение в сторону афганского купца. Купец отпрыгнул назад; нарумяненное лицо его искрилось примасой возмущения и притворного страха. Обороняясь, он взмахнул руками, пошатнулся — и сел на ковер, расстеленный возле бревна. Джемшид в английском френче обоими руками ухватился за угол ковра, напрягнулся — и с силой вздернул его. Ноги купца в широкайших белых шальварах мелькнули в розовом свете дымной ночи и исчезли под тяжелым ковром. Раздался дружный хохот. Одобренный ловкостью своих движений и веселым вниманием толпы, плечистый джемшид, возбужденно работая руками и коленями, закатал купца в ковер и сел сверху, победоносно отдуваясь.

Тогда выступил вперед конвой афганского купца; молодые джемшиды, вооруженные вин-

товками, подняли за плечи победителя, решительно встряхнули его и поставили на ноги. Пронзительным и несчастным голосом победитель закричал: — Пир тургай! — Это было бессмысленное и оскорбительное ругательство. Молодые джемшиды отозвались на него нестройным ревом воинственного клича. Из ковра с размотавшейся чалмой и растекшимися по потному лицу румянами вылез купец. Он прерывисто дышал и потрясал кулаками. В движениях его сквозило бессильное возмущение и трусливая отвага; в глазах была мрачная обреченность одержимого. Страстными криками он старался возбудить в своем конвое ярость оскорбленных национальных чувств.

Лица молодых джемшидов каменели, бушующие костры отражались исчерно-розовыми полосами на металлических частях их винтовок; винтовки вздрагивали в натягившихся тяжелых руках и прорно опускались. Перс — джемшид, опоясанный кольцом винтовочных дул, предостерегающим жестом сунул за пазуху руку; сзади к нему, распахнув полы огненного халата, подскочил купец и торопливо ударил кулаком по спине. Перс рывкнул и выхватил наган.

Круг зрителей оцепенел. Настала тишина.

Мрачно и отрывисто трещал костер. В глазах джемшидов горели жадные огни. Чалмы медленно и неудержимо тянулись вперед.

Купец повелительно взмахнул рукой. Конвой вздрогнул и шевельнулся. Перс голову втянул в плечи, в ярости отчаяния выгнул спину и — ударили сразу барабаны, оглушительно заверещали дудки и запели дутары. Из толпы вышли длинноногие подростки с пурпурными знаменами в руках. Они несли знамена со сдвиганным весельем на задорных лицах, алые полотнища тяжелыми складками ниспадали над черной вереницей их голов, и величественно колыхались пружом золотых кистей. Подростки выстроились в линию перед костром, сзади них встали вооруженные джемшиды и подняли винтовки вверх. Тогда широкоплечий перс-джемшид протянул руку афганскому купцу — и в воздух принял ликующий залп. Зрители ответили ему протяжным возбужденным криком.

— Эпизод мне не совсем понятен, — раздумчиво проговорил Безглазов.

— Что должен обозначать конец? — спросил он у переводчика.

— Пьеса на песке, которую вы видели, — сказал, улыбаясь, переводчик: — является политической. Вражда между Афганистаном и Персией, едва не вылившаяся по ничтожному поводу и не без участия Англии в открытую войну, прекращается благодаря мирной политике Советского Союза. Страна Советов представлена красными знаменами. В честь ее Персия и Афганистан салютуют выстрелами в воздух.

Круг опустел. Молодые джемшиды принялись расчищать его, готовясь к следующему номеру — к борьбе на поясах.